

АКАДЕМИЯ НАУК ТАТАРСТАНА
ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Г. ИБРАГИМОВА

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

КАЗАНЬ
1995

АНТИТАТАРСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Сколько бы ни старались современные критики Ленина опровергнуть те или иные его выводы, один из них они не в силах опротестовать — царская Россия была действительно "тюрьмой народов". Все они, в том числе и русский народ, подвергались притеснениям в той или иной мере. Но некоторые были царизмом особенно нетерпимы. К числу их относились, например, евреи и поляки. Однако особой "статьей" в национальной и религиозной политике российского самодержавия были татары. Было бы наивно объяснять такое отношение царизма к татарам, как это пытались некоторые делать, тем, что в его лице русское патриотическое чувство выказывало неприязнь к бывшим завоевателям. Во-первых, истинными завоевателями Руси были монголы, что известно любому мало-мальски грамотному историку. Во-вторых, евреи, к примеру, никогда не завоевывали Россию, однако подвергались ожесточенным гонениям.

Что же, собственно, тогда определяло такое отношение самодержавия к татарам? На наш взгляд, все было в ином. Татары оказались первым крупным народом, имеющим иную национально-религиозную и культурно-бытовую цивилизацию, а также высокую степень социальной организации, с которым столкнулась христианская Россия в период создания основ своей империи. Захват Казанского, Астраханского, Сибирского, а затем и Крымского татарских государств, конечно же, определялся политико-экономическими факторами. Однако он содержал в себе и некий идеологический аспект, отражавший уже зрелое к тому времени противоборство двух мировых религий — ислама и христианства в православной его интерпретации. Поскольку православная религия имела статус официальной идеологии и потому была "господствующей верой" в государстве, то она побуждала царизм проводить по отношению к татарам такую политику, в которой идеологический компонент или религиозный явно превалировал над национальным. Думается, что именно этим объясняется то обстоятельство, что царизм всемерно поощрял массированную христианизацию татар, создав из них со временем целое племя "выкрестов", называвшихся тогда чаще всего "ногайбаками". По данным американского исследователя Л. Краудера, приведенным в его кни-

ге "Народы Средней Азии", на 1864 г. в России насчитывалось 517 тыс. крещеных татар [5, 127]. Насильственное приобщение татар к православию сопровождалось разгромом их культовых учреждений. При императрицах Анне Иоанновне и Елизавете Петровне из 536 мечетей в Казанской губернии было разрушено 418. Зарубежные ученые А.Беннигсен и М.Броксуп в работе "Исламская проблема в советском государстве" [1, 16] правомерно, на наш взгляд, сравнивали этот период в истории татар с разгулом сталинской антирелигиозной кампании 30-х гг. нашего века. Спасаясь от миссионерского натиска православия и царизма, многие татары бежали в казахские и киргизские степи, а также в среднеазиатские ханства — Бухару, Хиву и Коканд. Это была первая относительно мощная волна миграции татар в Казахстан и Среднюю Азию.

Вторым этапом татарской миграции в эти регионы стала эпоха императрицы Екатерины II. Напуганная пугачевским бунтом, в котором мусульманские народы — татары и башкиры приняли деятельное участие, "просвещенная" царица вынуждена была изменить религиозную политику по отношению к казанским татарам. Более того, она привлекла их к "окультурированию" кочевников казахских степей, начавших процесс своего вхождения в состав Российской империи. Смысл этого мероприятия сводился, в основном, к исламизации степного населения. Екатерина II полагала, что православное христианство является слишком "возвышенной" религией, которую "дикие", по ее мнению, кочевники не смогут воспринять должным образом. Более подходящей для них религией она считала мусульманскую, казавшуюся ей простой и безыскусной, которую "отсталый" в духовном отношении степняк может усвоить без труда. Относительно политических целей исламизации кочевников зарубежный специалист Ширин Акинер справедливо отмечал: "Русские полагали, что ислам окажет на них определенное цивилизующее воздействие, как сила, объединяющая воедино разрозненные племена и делающая их объектом более эффективного контроля" [2, 289].

Екатерина II энергично проводила свой курс. Она писала оренбургскому губернатору, что "снабжение разных родов киргизских муллами немалую пользу в делах наших принести может, потому вы и постарайтесь определить оных, истребовав из казанских татар людей надежных". Оренбургский наместник добросовестно исполнил это указание. Вскоре казанские миссионеры открыли 2 мечети для кочевников — одну в Оренбурге, другую — у выселка Подпускного, расположенного между Павлодаром и Семипалатинском. Поскольку казна щедро отпускала деньги на строительство мечетей, то к концу XVIII в. их оказалось в степи довольно много. Кроме того, правительство Екатерины II отпускало средства на строительство конфессиональных школ, издание мусульманской

религиозной литературы, подготовку для кочевников мулл и учителей из числа казанских татар. Поощрялась торговая деятельность поволжских татар среди кочевого населения. Неудивительно поэтому, что со временем в степных городах — Кокчетаве, Павлодаре, Семипалатинске и др. сложились внушительные по численности татарские общины. Общность религии и схожесть языка обусловили постоянное укрепление контактов татар с коренным населением. Значительной была роль казанцев в просвещении последнего. Кроме татар-учителей среди номадов активно работали во время своих летних вакаций студенты казанских медресе — "шакирды", обучившие в кочевьях татарской грамоте тысячи детей бесписьменного народа. Поэтому в то время татарский язык стал официальным языком общения царских властей с кочевым населением. Знаменитый казахский поэт и просветитель Абай Кунанбаев во "Втором слове" своих известных "Назиданий" похвально отсылался о татарах и их роли в истории своих соплеменников.

Было бы ошибочно полагать, что сотрудничество царизма с татарами в деле "освоения" "киргиз-кайсацких" степей изменило существенным образом его отношение к татарскому народу вообще. Та же Екатерина II, "ничтоже сумняшеся", превратила весьма почитаемую крымскими татарами мечеть в Судак в православную церковь. Александр I проводил широкомасштабную политику вытеснения татар из Крыма, заселяя на их место греков. Он считал себя ревностным поклонником классической Древней Греции и стремился "эллинизировать" пространства древней Тавриды. Для того, чтобы поставить под строгий контроль религиозную жизнь казанских татар, царское правительство создало в 80-х гг. XVIII в. духовное правление во главе с назначаемым властями муфтием. О том, какие люди выдвигались царизмом на эту должность, свидетельствуют строки из письма известного "верноподданностью" педагога Н.Ильминского своему приятелю, обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву, где он сообщал: "...для нас, т.е. миссионеров, вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре муфтий путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника". В знак своего неприязненного отношения к Казани как к центру татарской цивилизации Поволжья российское самодержавие демонстративно назначило столицей муфтията г. Уфу. При этом сам муфтият почему-то назывался официально Оренбургским, что само по себе, как прежде, так и теперь вызывает просто смех. В связи с этим возникает закономерный вопрос: почему же тогда царизм сотрудничал с казанскими татарами в деле исламизации кочевников? Частично ответ на этот вопрос был дан выше, но главная причина заключалась в том, что казанские татары должны были стать преградой на пути проникнове-

ния в "киргиз-кайсацкие" степи исламских проповедников из среднеазиатских ханств — Бухарского, Кокандского и Хивинского. Царское правительство из двух "зол" выбрало меньшее — казанские татары были своими "верноподданными", и их деятельность в указанном направлении можно было всегда держать под строгим контролем.

В годы Крымской войны последовал новый всплеск миграции казанских татар в Среднюю Азию. М.Терентьев, участник завоевания Туркестана, писал по этому поводу в журнале "Вестник Европы" за 1875 г., что при наборе 1855 года множество рекрут-татар бежало из партий в Бухару и Ташкент, так как сражаться с единоверцами им нельзя. Кроме миграции призывников, не желавших воевать с Турцией, в это же время усиливается движение в Среднюю Азию татар, революционно настроенных по отношению к российскому самодержавию и справедливо опасавшихся репрессий с его стороны у себя на родине. В середине XIX в. один из таких мигрантов Мухаммед Шариф Мансуров, обосновавшийся в Ташкенте, приступил к революционной проповеди среди кочевого населения. Действуя по-пугачевски, он выдавал себя, однако, не за покойного императора, а за более близкого пониманию номадов мусульман святого шейха. Мансуров проповедовал среди них идею социальной справедливости, преданности исламской религии, вербовал мюридов и призывал к "священной войне" с российским царизмом. Он был схвачен царскими властями, но волнения, вызванные его деятельностью, продолжались среди казахов и кыргызов и в дальнейшем.

Испуганный такой активностью татарских проповедников, оренбургский генерал-губернатор Крыжановский обратился к министру внутренних дел Валуеву с докладной запиской "О мерах борьбы с распространением магометанства в восточной половине России", в которой предлагал существенно ограничить возможности проникновения казанских татар в степные районы, запретить кочевникам избирать имамов мечетей — мулл из татарской среды, а волостным управителям использовать татар в качестве писарей. Министру народного просвещения Д.Толстому оренбургский наместник рекомендовал воспретить использование татар-учителей в школах, предназначенных для обучения детей кочевников.

Министры положительно отреагировали на предложения Крыжановского. Валуев издал специальный циркуляр, полностью легализовавший все запретительные рекомендации оренбургского генерал-губернатора. Толстой предварительно посоветовался с Ильминским. Последний горячо поддержал мнение Крыжановского относительно учителей-татар и советовал в связи с этим перейти к обучению детей кочевников русскому языку. Вслед за этим последовал циркуляр министра народного просвещения, серьезно

ущемлявший права татар в сфере просветительской деятельности среди кочевого населения.

Не осталось в стороне и военное министерство. Узнав об инициативе Валуева и Толстого, военный министр Д.Милютин внес свою лепту в реализацию антитатарских замыслов правительства. Начальники военных гарнизонов, граничащих с "киргиз-кайсацкой" степью, получили указание выплачивать кочевникам по 3 руб. за каждого пойманного ими проповедника ислама из Казани. Статистике неизвестно, сколько реально было выловлено означенных лиц, но известно, что денег было истрачено немало, поскольку многие офицеры пограничных гарнизонов превратили это унизительное мероприятие в выгодный для себя бизнес. Составляя фальшивые списки, они присваивали казенные средства и немудрено, что первый туркестанский генерал-губернатор Кауфман, узнав об этом, приказал прекратить подобную практику.

В середине 60-х гг. XIX в. Россия начала наступление на среднеазиатские ханства. Оно было движимо не стремлением царизма освободить народы от гнета средневекового деспотизма тамошних властителей — нужны были хлопок, рынки сбыта, сферы влияния и контраргументы в борьбе с Британией за верховенство в Центральной Азии. Поочередно пали Чимкент, Ташкент, а затем и Самарканд. В каждом из них жило довольно много татар, бежавших в разные времена из российских пределов. Первый губернатор Русского Туркестана генерал М.Черняев похвально отзывался о них, указывая, что татары помогли быстро наладить контакты с местным населением. Поскольку Черняев проводил толерантную политику по отношению к местному населению, не посягал на их веру и обычаи, татары оказали ему немалую помощь, выступая в роли переводчиков, проводников, маркитантов и т.п. Положительно расценивая их деятельность, Черняев выступал за привлечение в новые владения империи большего числа казанских татар в целях, — как писал позже сенатор-ревизор Туркестанского края К.Пален, — скорейшего развития торговли и ремесел. Однако в столице полагали иначе. Многие из действий Черняева были дезавуированы правительством, а сам он отозван в Петербург.

В 1867 г. на основе завоеванных территорий в Средней Азии было создано Туркестанское генерал-губернаторство, которое затем территориально постоянно росло за счет новых "приобретений". На пост царского наместника в крае был назначен генерал-адъютант К.Кауфман, бывший доселе губернатором в Вильно и "прославившийся" притеснениями литовцев-католиков, осмелившихся требовать конфессиональных свобод и права обучать своих детей на родном, "жмудском" языке. Понятно, что притеснитель литовцев-католиков не мог быть "отцом родным" для татар-мусульман. Именно Кауфман сформировал политику туркестанских властей по

отношению к татарскому населению края, сохранившуюся в своих основных чертах вплоть до падения российского самодержавия. Ее главное содержание современные зарубежные исследователи определили, на наш взгляд, достаточно верно и лаконично: "Политика российского правительства в Туркестанском крае сводилась в основном к двум направлениям: ограничению влияния татар и ослаблению позиций ислама" [7, 161].

Кауфман полагал, что российская цивилизация в лице "передовой" православной религии без труда одолеет твердыни исламского духа и со временем миллионы туркестанских мусульман потекут нескончаемым потоком в ее лоно. И вполне естественно, что он считал "неисправимых" мусульман-татар серьезным камнем преткновения на пути реализации своих, мягко говоря, романтических замыслов. Во "Всепоподданнейшем отчете" царю Кауфман писал, что в первый же год его управления генерал-губернаторством он удалил указанных мулл-татар, присланных из Уфы по распоряжению тамошнего главного муфтия. Для непосвященного человека эти слова могут прозвучать как простая констатация факта, но при знании общего фона событий в них улавливается оттенок хвастовства. И вот почему. В 1869 г. в "степных" областях вспыхнуло восстание кочевников в связи с введением в действие "Временного положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях", утвержденного 21 октября 1868 г. царем Александром II. Виновниками бунта были представлены казанские татары — проповедники ислама. Опальный М.Черняев, издававший газету "Русский мир", в специальной статье опроверг эту версию, доказав, что бунт был вызван глупыми действиями правительства, за что его газета была закрыта на несколько месяцев. Таким образом, в "Отчете" Кауфман давал понять царю, что именно он своими "мудрыми" мерами по изгнанию мулл-татар из Туркестанского края предотвратил возможное выступление и местного мусульманского населения. Представляя в 1873 г. на рассмотрение царского правительства проект "Положения об управлении Туркестанским краем", Кауфман предусмотрел в нем статью, смысл которой характеризуется его словами о том, что ближайшим на первый взгляд средством сберечь край от татарского мусульманства представляется воспрещение татарам переселяться в край на постоянное место жительства. Казанским татарам можно было только порадоваться тому обстоятельству, что проект был отвергнут, однако далеко не в силу его антитатарской направленности.

Поскольку согласно "Уставу духовных дел иностранных исповеданий" (ст. 1344), регулировавшему в царской России отношения государства с непосредственными конфессиями, мусульмане Туркестанского края должны были в своих религиозных делах под-

лежать ведению так называемого "Оренбургского Магометанского Духовного Собрания", то Кауфман демонстративно игнорировал в своих действиях это положение закона. О том, как он это делал, было уже сказано несколько выше. Однако "первоустроителю" Туркестанского края этого было мало. Он старался добиться того, чтобы это законоположение было вообще отменено. И он долго искал повод для того, чтобы достойно посягнуть на него. Осенью 1879 г. таковой представился. В сугубо житейском плане он был чрезвычайно прост, но Главный Начальник края сделал все, чтобы раздуть его до требуемых политических размеров. Сюжет был таков: у жителя г. Копала Семиреченской области Рахима Абдуллина жена ушла к другому. Оскорбленный муж пожаловался "Оренбургскому" муфтию. Последний отдал распоряжение копальскому татарскому мулле Мухамеджану Мухамедиеву разобратся в обстоятельствах дела и решить его, сообразуясь с шариатом. Это безобидное по сути дело неожиданно сильно возмутило военного губернатора Семиреченской области Г. Колпаковского. Он тут же направил уфимскому муфтию письмо, в котором высокомерно поучал его. "В Семиреченской области нет официального духовенства, — утверждал в частности Колпаковский, — и разные духовные лица никаких отношений с Оренбургским Духовным Собранием не имеют". Колпаковский, явно превышая свои полномочия, требовал от муфтия прекращения любых контактов с мусульманами Семиречья. Одновременно семиреченский губернатор направил рапорт Кауфману, в котором, излагая суть дела, призывал принять решительные меры к окончательному разрыву мусульман Туркестана с казанскими татарами и их муфтием, "которые никогда не были солидарны с нашими государственными интересами в крае".

Кауфман не преминул воспользоваться благоприятной возможностью. Он тотчас же — 10 декабря 1879 г. направил письмо министру внутренних дел Макову, в котором потребовал вывести мусульман Туркестанского края из-под контроля Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, ссылаясь на копальский прецедент и мнение популярного в высших кругах завоевателя Семиречья. Маков не мог отказать всесильному "жарым-паше"* Туркестана. 4 марта 1880 г. он направил в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание распоряжение, в котором указывал, что возглавляющему его муфтию надлежит... не распространять свою деятельность на Туркестанский край... не входить в прямые официальные сношения с туземцами и магометанскими учреждениями... обращаясь в случае надобности к военным губернаторам и уездным начальникам. Таким образом, Кауфман добился своего,

* Жарым-паша (д. б.: патша). — Казахск. — Букв.: пол-царя (Прим. н. ред.)

но не полностью, поскольку ст. 1344 "Устава духовных дел иностранных исповеданий" не претерпела изменений. О том, что эта сделка туркестанского генерал-губернатора с МВД носила незаконный характер, свидетельствует вывод, к которому пришла Канцелярия туркестанского генерал-губернатора, проводившая специальное расследование этого дела. В "Справке" от 31 декабря 1898 г. она отмечала: "По точному смыслу ст. 1344 области Туркестана принадлежат к округу Оренбургского Духовного Собрания и, следовательно, статьи, определяющие порядок ведения духовных дел в этом округе, относятся до Туркестана". "Справка" предназначалась для туркестанского генерал-губернатора С.Духовского и, казалось бы, должна была навести его на мысль о восстановлении законности в области религиозной политики туркестанских властей. Однако Духовской категорически тому воспротивился. Более того, во "Всеподданнейшем" докладе "Ислам в Туркестане" (1898) он всячески оправдывал "изъятие" среднеазиатских мусульман из ведения Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, обвинив казанских татар в том, что они "обирали киргиз" и "сеяли между ними смуту". О самом муфтии Духовской писал, что тотчас по прибытии в Уфу муфтий этот показал, как можно надеяться русскому правительству на верность татарских мулл. Он явился не только противником русской власти, но еще ревностным возбудителем ордынцев (кочевников — П.Л.) против распоряжения и действий на пользу их ограниченного начальства. Эти слова звучали более, чем удивительно, если учесть, что кандидатура муфтия подбиралась тщательно Министерством внутренних дел, а затем утверждалась личным указом царя. Можно было подумать, что Духовской подвергает сомнению царские решения, но Николай II, ознакомившись с докладом своего Туркестанского наместника, не нашел в нем ничего предосудительного и одобрил сложившийся порядок взаимоотношений "Оренбургского" муфтиата с мусульманами Туркестана. Порядок этот оставался неизменным и впредь, хотя с начала XX в. все чаще в правительственные инстанции поступали прошения от мусульман о подчинении Туркестанского края в религиозных делах Оренбургскому Магометанскому Духовному Собранию. Однако все они отвергались без рассмотрения.

Туркестанские генерал-губернаторы почти все страдали "анти-татарским синдромом". Их отношение к татарам граничило порой с элементарной невоспитанностью. "Первоустроитель" Туркестанского края Кауфман, прибыв в "столицу" Семиреченской области г. Верный, во время торжественной церемонии встречи с представителями городского населения всех приветствовал, но демонстративно обошел татарского муллу, которого верненские мусульмане делегировали на встречу как наиболее грамотного среди них и знающего русский язык человека. Проезжая через г. Копал, Кауф-

ман отказался встретиться с делегацией местных татар, которые просили разрешить им открыть в городе мечеть вместо имеющегося, но находящегося в неудовлетворительном состоянии молитвенного дома. Более того, он порекомендовал начальнику Копальского уезда закрыть при случае и молитвенный дом, если деятельность местных татар покажется ему в чем-либо предосудительной. Об отношении к татарам Духовского было сказано выше, а туркестанский генерал-губернатор Мищенко, например, организовал за местным татарским населением настоящую полицейскую слежку. В циркуляре, направленном им в 1909 г. областным губернаторам и начальникам уездов Туркестанского края, говорилось, что о татарах вообще следует иметь сведения, где они живут, чем занимаются и какое влияние оказывают на местное население.

Нельзя не сказать при этом и об отношении к татарам властей Степного края, в состав которого входила значительная часть казахских и кыргызских земель, на которых проживало немало татар. Степное генерал-губернаторство было создано в 1882 г. и ему, помимо прочих, была передана из Туркестанского края Семиреченская область (до 1899 г. — П.Л.). Иначе и быть не могло, поскольку первым "Степным" генерал-губернатором стал уже упоминавшийся нами Г.Колпаковский. Последний сильно грешил по части татарофобии. Еще будучи семиреченским губернатором, он категорически отверг просьбу доверенного татар г. Копала купца Галиакбара Сеитова о строительстве отдельной татарской мечети, сославшись на то, что еще до создания Туркестанского края эту идею признал "вредной" генерал-губернатор Западной Сибири. В январе 1871 г. Колпаковский отказал в прошении муллы татарской мечети станицы Больше-Алмаатинской Закиру Сайфуллину, собравшемуся открыть школу для детей татар вышеназванной станицы и города Верного. Зато Колпаковский охотно закрывал татарские школы. Так, 20 декабря 1876 г. заведующий учебными заведениями Семиреченской области пожаловался губернатору, что в Татарской слободке близ г. Верного обучается много "киргизских" (под словом "киргизы" в дореволюционное время понимали кочевников вообще, как непосредственно кыргызов, так и казахов — П.Л.) мальчиков, "которые подготавливаются к миссионерской деятельности в степи во славу мухаммеданского пророка". Колпаковский быстро отреагировал на эту жалобу. Уже 28 декабря 1876 г. он направил циркуляр начальникам уездов области, в котором предписывал им следить за тем, чтобы дети кочевников не обучались в татарских школах, а в случае нарушения этого указания школы закрывать, виновных наказывать, а детей распускать по домам. Как и следовало ожидать, ретивые подчиненные Колпаковского тут же закрыли несколько татарских школ, показывая тем свое служебное рвение. Вместе с тем "герой" завоевания

Семиречья разрешал открытие татарских школ, но... при обязательном условии преподавания в них русского языка.

Став генерал-губернатором Степного края, Колпаковский сделал все возможное для того, чтобы оградить подведомственное ему население от влияния казанских татар и "Оренбургского" муфтиата. Давалось это ему с трудом. Дело в том, что согласно "Временного положения" 1868 г. об управлении "степными" областями из ведения уфимского муфтия были "изъяты" только кочевники, а татары, населявшие Степной край, оставались в его подчинении. Колпаковскому это не нравилось и он при помощи сугубо административных мер чинил всевозможные препятствия действиям Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в подведомственном ему крае. В 1888 г. татары г. Кокчетавы приступили к строительству новой мечети. Они имели на то право, поскольку согласно "Высочайшего" указа от 7 сентября 1856 г. разрешение на строительство мечетей давал уфимский муфтий, а не областные правления. Однако Колпаковский запретил сооружение мечети и, подобно Кауфману, обратился к министру внутренних дел, чтобы тот приказал уфимскому муфтию не вмешиваться в "степные" дела. Результат был тот же самый. 13 ноября 1888 г. министр внутренних дел отдал искомое распоряжение, которое однако тоже имело противозаконный характер, так как по букве закона татары Степного края все же подлежали ведению "Оренбургского" муфтиата.

С этой "букой" "степные" генерал-губернаторы продолжали бороться и после Колпаковского. 25 марта 1891 г. было утверждено новое "Положение" об управлении в Степном крае. В его тексте, там, где речь шла об изъятии кочевников из ведения уфимского муфтия, слово "киргизы" было заменено словом "инородцы". Генерал-губернатор Степного края барон фон Таубе ухватился за эту стилистическую новацию и доказывал правительству, что "изъятие" из ведения Оренбургского Магометанского Духовного Собрания распространяется и на татар, так как они, по его мнению, тоже являлись "инородцами". В Петербурге эту идею отклонили под тем предлогом, что в недалеком будущем Особое совещание по пересмотру "Степного Положения" само определит, что к чему. В 1903 г. это Совещание выдвинуло соображение, сходное с предложением Таубе, но в стране назревал кризис, и царь, не желая осложнять отношения властей с многомиллионным татарским населением империи, не утвердил его. Но и в последующем администрация Степного края неоднократно обращалась в правительство, требуя устранить положение, при котором татары подчинялись уфимскому муфтию, а кочевники так называемому "гражданскому правлению". Однако у правительства голова "бо-

дела" о совершенно другом, и оно постоянно откладывало конкретное решение этого вопроса.

Было бы несправедливым не упомянуть здесь о человеке, единственном среди туркестанских и "степных" генерал-губернаторов, которого татарам не в чем было упрекнуть. Это был Николай Иванович Гродеков, управлявший Туркестанским краем немногим более года (с 15 декабря 1906 г. по 8 марта 1908 г.). В отличие от своих "коллег" — солдафона Розенбаха, придурковатого Вревского, или, скажем, маразматика Духовского, Гродеков был умным и образованным человеком. Он прекрасно знал исламскую религию, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что именно Гродеков редактировал русское издание такого известного мусульманского сочинения, как "Хидайя". 15 января 1907 г. Гродеков писал министру внутренних дел, всесильному П. Столыпину, что, по его мнению, антитатарские мероприятия туркестанских властей, ведущие свою историю еще со времен Кауфмана, давно уже изжили себя и требуют отмены. Татары, писал Гродеков, были пионерами освоения Туркестана и всегда отличались похвальной лояльностью по отношению к русским властям края, внося значительный вклад в развитие торговли и ремесел. Гродеков предлагал предоставить татарам в Туркестанском крае широкие возможности для полного проявления их большого умения вести торговые, экономические, религиозные и прочие дела.

Нет нужды подробно описывать ту реакцию, которую вызвали предложения Гродекова у Столыпина, являвшегося к тому же одновременно и Председателем Совета Министров. Достаточно сказать, что раздраженный премьер посоветовал царю "разделаться" с не в меру человеколюбивым генерал-губернатором, что и было сделано в недалеком будущем. Как бы то ни было, несмотря на сопротивление туркестанских властей, татарское население Средней Азии год от года увеличивалось, поскольку не было соответствующего запретительного миграционного закона. На 1 января 1881 г. в Туркестанском крае насчитывалось, согласно официальным данным, около 12 тыс. татар. Известный туркестановед Л. Костенко писал в это же время в своем труде о Туркестанском крае, что этой статистике доверять нельзя — татар должно быть намного больше [4, 327]. И он был, вероятно, прав, поскольку по данным той же официальной статистики в 1896 г. в Туркестане было 16 тыс. татар, что вообще вызывает сомнения и вот почему. В 1884 г. последовала мощная волна миграции казанских татар в Среднюю Азию, вызванная голодом, свирепствовавшим в Поволжье. Официоз генерал-губернаторства — газета "Туркестанские ведомости" писала в связи с этим: "Явление это не особенно желательно. Степь наша и города наполнены татарами в достаточной степени и новый прилив этого элемента... принесет большой

вред русскому делу" [9]. Следующая мощная волна переселения последовала в 1892 г. по тем же причинам. В этом году только к селению Гавриловского Копальского уезда Семиреченской области было приписано более 300 татарских семей, почти 2 тыс. человек. Если учесть, что в Среднюю Азию переселялись ежегодно и по другим причинам, а также учесть естественный прирост татарского населения, то трудно поверить, что за 15 лет численность татар в Средней Азии возросла лишь на 4 тыс. человек. По подсчетам автора этой статьи, сделанным на основе архивных данных, в 5 областях Туркестанского края к 1917 г. проживало не менее 100 тыс. татар. Не меньше, разумеется, проживало татар к этому времени и в областях Степного края. Заниженность официальных статистических данных объясняется, на наш взгляд, тем, что многие татары, справедливо опасаясь притеснений, выдавали себя за представителей других мусульманских народностей, либо за так называемых "чалаказаков" — потомков смешанных браков татар и кочевников — казахов и кыргызов, на которых антитатарские ограничения властей не распространялись.

Думается, наступило время поговорить об этих ограничениях подробнее. Самым существенным из них было запрещение татарам приобретать так называемое "недвижимое имущество" в Туркестанском крае — земли, дома, лавки и т.п. Царское правительство, обеспокоенное усилением татарской миграции в Среднюю Азию, постаралось внести в утвержденное в 1886 г. "Положение об управлении Туркестанским краем" пресловутую 262-ю статью, в которой отмечалось, что все лица нехристианских исповеданий, переселившиеся в край после его завоевания Россией, не имеют права приобретать недвижимость. Народности и вероисповедания в статье стыдливо не упоминались, но все знали, что речь идет о татарах и евреях. Такая несправедливость порождала массу проблем для татар-переселенцев. Естественно, что они старались как-то ее обойти. "Туркестанские ведомости" писали в связи с этим, что поскольку "закон воспрещает татарам приобретать земли и вообще недвижимое имущество в Туркестанском крае, то они прибегают к различным ухищрениям, в частности, женятся на туземных женщинах и, к сожалению, некоторым удалось получить туркестанское гражданство" [10]. Кроме такого пути, татары нередко приобретали имущество на подставных лиц, но все же не сдавались и занимались своими делами. Однако, в целом, такие меры царских властей существенно сдерживали торгово-экономическую и вообще предпринимательскую инициативу татар, унижали их человеческое достоинство, и это вряд ли положительно влияло на общественную жизнь в Туркестанском крае.

Татары ежегодно и по несколько раз подавали прошения в разные инстанции, вплоть до самого трона с тем, чтобы власти отме-

нили злополучную 262-ю статью "Положения об управлении Туркестанским краем". Так, буквально через три года после утверждения этого "Положения" татары, представляющие все сословия края, подали прошение на имя военного министра П.Ванновского, в ведении которого находилось Туркестанское генерал-губернаторство. Смысл документа сводился, в основном, к необходимости отмены статьи 262-й "Туркестанского Положения" вместе со всеми, сопутствующими ей примечаниями. Авторы писали, что если евреям запрещается приобретать недвижимость в крае, занимаясь ростовщицеством, то причем здесь татары, которые никогда не были в нем уличены. Далее они ставили другой закономерный вопрос: если татар обвиняют в мусульманской "фанатизации" кочевников, то почему тогда им запрещается приобретать недвижимость в городах, где кочевники не "обретаются". Простение не было "слезным" и уничижительным. Более того, авторы делали в нем такие, например, заключения: "Едва ли с таким взглядом высшей административной власти можно согласиться". Ванновский, всегда читавший документы с карандашиком и любивший все заинтересовавшие его места в них отмечать, дважды подчеркнул эти слова и поставил рядом два восклицательных знака. Военный министр поразился неслыханной смелости просителей, вздумавших критиковать высшую власть. Когда знакомишься с этим документом и следишь за манипуляциями министерского карандаша, то уже в середине процесса становится ясно, что министр раздражен и непременно откажет просителям. Так оно и случилось. Можно было бы привести еще немало примеров, связанных с подачей татарами прошений по поводу оскорбительной для них статьи "Положение об управлении Туркестанским краем". Но в этом вряд ли есть необходимость, поскольку их объединяет одно, главное в данном случае обстоятельство — все они не имели никакого положительного результата. Несмотря на то, что царское правительство несколько раз предпринимало попытки пересмотра "Туркестанского положения", планируя замену или отмену тех или иных его статей, оно ни в одном случае не затронуло незыблемость позорной 262-й статьи.

Была только одна возможность обойти закон — получить личное разрешение самого царя. Для этого нужно было добиться, чтобы туркестанский генерал-губернатор вошел с соответствующим рапортом в Главный штаб, который готовил затем на его основе "докладную записку", с каковой военный министр входил уже к самому царю. Даже поверхностное изъяснение процедуры дает представление о том, как часто и охотно занималась ею туркестанская администрация. Но было бы ошибочным полагать, что она ее полностью игнорировала. В порядке исключения туркестанские генерал-губернаторы ходатайствовали перед высшей властью о раз-

решении приобретать недвижимость в крае татарам-офицерам и так называемым "классным гражданским чинам" (по "Табелю о рангах" — П.Л.). Этих людей, активно сотрудничавших с царизмом, можно было в известной мере назвать своего рода компрадо-рами или даже — коллаборационистами. В этой связи любопытна аргументация, с которой обращались к высшим властям туркестанские наместники. Так, например, 18 ноября 1903 г, туркестанский генерал-губернатор Н.Иванов, ходатайствуя за татарина-офицера Хасана Сайдашева, писал, что с родиной — Казанской губернией Сайдашев давно порвал сношения. Ввиду этого просьбу его можно удовлетворить. 13 февраля 1904 г. Николай II черкнул на связанной с этим "докладной записке" военного министра: "Согласен". Он, видимо, полагал, что разрыв татарина Сайдашева с родиной и своими соплеменниками является лучшей характеристикой верноподданности офицера, заслуживающей щедрого вознаграждения. Туркестанской администрации приходилось не часто трудиться над составлением подобного рода ходатайств, хотя бы потому, что в войсках ТуркВО даже в "лучшие времена служило немногим более 30 татар-офицеров. Был среди них даже генерал — Гидаятулла Мирдабалев, достигший такого чина, возможно, еще и потому, что с детства был сиротой и воспитывался в русской среде.

Следует заметить, что на несправедливость 262-й статьи "Туркестанского положения" указывали и некоторые деятели краевой администрации. Они исходили в этом не из симпатий к татарам, а из глубоко практических соображений, находя, что статья эта вредным образом отражается на социально-экономической жизни региона. Ташкентский городской голова, светский советник Маллицкий, кстати, подобно Гродекову, неплохой знаток ислама и автор ряда книг по мусульманству, писал туркестанскому генерал-губернатору А.Куропаткину о том, что надлежит незамедлительно снять с татар ограничения в праве приобретения земельной собственности. Ибо ограничения эти основаны на ошибочном понимании роли татар в составе местного населения. Татары являются проводниками русского правосознания среди туземного населения, а в пограничных областях Афганистана и Китая они могут с большим успехом играть роль пионеров русской торговли и промышленности. Но знаменитый "герой" русской японской войны не внял советам трезвомыслящего чиновника, поскольку, как и подавляющее большинство его предшественников, страдал все тем же синдромом татарофобии.

Серьезные ограничения существовали для татар в деле прописки в Туркестанском крае. Татарин мог быть приписан к какому-нибудь городскому или сельскому обществу лишь в том случае, если полицейские органы выдавали ему "сертификат" о полити-

ческой благонадежности. Потому часто в прописке отказывали. Например, запасной нижний чин — татарин Сайфутдин Фаткуллин несколько лет добивался от Ферганского областного правления разрешения приписаться к одному из городских обществ. Но не добился, хотя, согласно "Туркестанского Положения", запасные нижние чины, независимо от их вероисповедания, имели право по окончании срока военной службы селиться в крае. Когда речь заходила о татарах, туркестанские власти действовали по известному принципу: "Закон, что дышло..." Обойти приписные ограничения можно было лишь с помощью солидной взятки, и поэтому туркестанские чиновники зачастую искусственно нагромождали различные преграды на пути прописки татар, чтобы взять с них мзду побольше. Без взяток процесс приписки превращался в сплошное "мытье и катанье" и, как правило, заканчивался безрезультатно. Исключения были крайне редки. Так, самаркандский татарин Абдурахман Каримов несколько лет боролся с Туркестанской Казенной палатой, отказывавшей ему в приписке к мещанам г. Ташкента. Лишь только тогда, когда дело дошло до Главного штаба и выяснилось, что Каримов проживает в Туркестане со дня его завоевания русскими, ташкентская администрация вынуждена была приписать его, да и то как "избирающего род жизни". Во всяком случае, то, что любой православный христианин в Туркестанском крае мог сделать за день, татарину-мусульманину приходилось пробивать годами, продираясь сквозь джунгли чиновничьего своекорыстия и оскорбительных придилок. Последние вытекали не только из приписных обстоятельств, но и вообще из всех случаев жизни и носили иногда характер идиотской выдумки. Вот тому пример. На празднике дня рождения пророка в татарской школе г. Верного купец — татарин Зайнетдин Таджединов раздавал всем присутствующим памятные подарки — носовые платки с надписью по-татарски: "Рождение пророка — от Зайнетдина Таджединова". Надпись была заключена между двумя полумесяцами со звездой. Царские власти неожиданно возмутились этим фактом, усмотрев в нем "татаризацию разноплеменных туземцев-мусульман Семиреченской области". Дело дошло до директора Департамента полиции МВД, который рекомендовал начальнику Туркестанского охранного отделения поручить Верненскому розыскному пункту (отделение царской охраны в Семиречье — П.Л.) повнимательнее присматривать за татарским купцом и в случае необходимости подвергнуть его аресту как распространителя панисламистских идей. Другой богатый верненский купец-татарин Абдулкудас Габдулвалиев был арестован на том основании, что у него останавливался проездом известный деятель младотурецкой партии Абдурашид Ибрагим эфенди. При обыске Габдулвалиева нашли письма к друзьям, в которых не было ничего предосудительного. Но семи-

реченская охранка обвинила купца в том, что применяя "эзопов язык", он в письмах передавал "вредную" информацию. Вне всяких сроков Габдувалиева призвали для "перевоспитания" на военную службу рядовым в 20-й Туркестанский полк.

Одним из важных пунктов антитатарской политики царизма в регионе была его ожесточенная борьба против просветительской деятельности татар среди коренного населения Средней Азии и Казахстана. Как наиболее грамотные и знакомые с передовой цивилизацией мусульмане империи, татары ревностно относились к идеям прогресса и старались приобщить к ним своих туркестанских единоверцев. Делалось это в основном путем внедрения в сферу образования и обучения коренного мусульманского населения так называемого "нового метода". О "новометодном" мусульманском образовании в дореволюционной России на сей счет специалистами написано немало, и потому мы не станем здесь распространяться о нем подробно. Достаточно сказать, что "новый метод" преследовал цель изгнать из стен исламской конфессиональной школы отупляющую дух схоластику и поднять ее до уровня современных требований. Авторы "Кембриджской истории ислама" пишут: "Татарские новометодные школы в Туркестанском крае, безусловно, были более эффективными, нежели русские, в деле распространения идей западной цивилизации среди коренного населения... поскольку очень немногие местные мусульмане посылали своих детей в русско-туземные школы, опасаясь, что их там обратят в христианство" [3, 518]. Большой успех татарских новометодных школ в Средней Азии признавал и такой авторитетный в дореволюционной России научный журнал, как "Мир ислама" [6, 300]. Единственным, кто усматривал вред в новометодных школах, было российское самодержавие. Под флагом искоренения "панисламизма" и "пантюркизма" татар-учителей изгоняли из мусульманских школ Средней Азии и Казахстана. В 1898 г. туркестанский генерал-губернатор Духовский наказывал своим подчиненным, что преподавателями в мусульманские школы должны назначаться русскоподданные, преимущественно местные жители, но не татары. Особенно усилилась борьба с татарскими просветителями в Туркестане в начале нынешнего столетия. Генерал-губернатор Самсонов во "Всеподданнейшем" отчете за 1909 г. рекомендовал царю издать указ о закрытии всех татарских новометодных школ, поскольку "они явятся в будущем рассадниками не только панисламизма, но и пантюркизма и паназиятизма". Справедливо надеясь на безнаказанность, Самсонов безо всяких царских указов творил беззаконие в отношении татар. По его приказанию туркестанская полиция энергично искореняла "рассадников панисламизма". Так, в декабре 1910 г. полицмейстер г. Коканда вызвал в свою канцелярию всех учителей-татар и объявил о том, что татарам за-

прещено преподавать в мусульманских школах и потому они могут отправляться на все четыре стороны. Подобного рода акции последовали и в других местах края. Они вызвали, естественно, справедливое возмущение не только среди мусульманского населения края, но и русской прогрессивной общественности Туркестана. Понимая, что откровенная татарофобия выглядит не очень цивилизованно, Самсонов прибегнул к завуалированным методам. 25 января 1912 г. он направил директорам народных училищ края циркуляр, в котором указывал, что отныне в Туркестанском крае учителя должны быть одной национальности. Вряд ли нужно пояснять, против кого была направлена эта "хитрость". В тех же школах, где учителя и ученики были татарами, циркуляром вводилось обязательное преподавание русского языка. Сразу же было закрыто свыше десятка татарских школ, в том числе такие известные в Семиречье очаги образования, как мужская и женская школы при татарской "Каменной" мечети в г. Верном, в Татарской слободке близ Верного, в г. Лепсинке и др. Однако было бы неправильным полагать, что татары принципиально выступали против преподавания русского языка как официального наречия российского самодержавия. Причину отказа от немедленного введения русского языка в татарских школах разъяснил Лепсинский городской татарский мулла Хусаин Измаилов в своем прошении на имя военного губернатора Семиреченской области. Он писал, что для введения преподавания русского языка необходимо дополнительно по 800 руб на каждую школу: для найма учителя, приобретения учебников и пособий. Хусаин Измаилов задавался вопросом: откуда взять эти деньги, однако ответа на него не получил. С таким же вопросом обращались к семиреченскому губернатору, в частности, татары г. Пржевальска и с тем же результатом. Ко всему вышеизложенному следует добавить и то, что в своем циркуляре Самсонов запретил использование в мусульманских школах края всей учебной литературы, изданной в Казани.

Помимо просветительской деятельности татар, "бельмом" на глазу царской администрации Туркестана была татарская пресса, к которой коренное мусульманское население края проявляло заметный интерес и прежде всего потому, что и в языковом, и в тематическом отношении она была ему более близка и понятна, нежели русскоязычная печать. Весьма популярными в Средней Азии и Казахстане были такие татарские периодические издания, как "Юлдуз" (Казань), "Вақыт" (Оренбург), "Тарджиман" (Бахчисарай), "Ульфет" (Петербург), "Идель" (Астрахань), "Маглюмат" (Оренбург) и др. Файзулла Ходжаев из Узбекистана писал, что татарские газеты "сыграли крупную роль в развитии прогрессивных и национально-освободительных идей у народов Средней Азии" [12, 77]. Именно за это царизм так их ненавидел. Известный дея-

тель дореволюционного Туркестана, действительный статский советник, то бишь "гражданский генерал" Н.Остроумов, воспитанник Ильминского и всей антимусульманской профессорской "братии", пригревшейся под крылом православной Казанской Духовной Академии, указывал властям на то, что татарская пресса в крае "возбуждает народ и ей надо давать отпор". Туркестанская администрация охотно прислушивалась к такого рода мнениям. Газеты поступали подписчикам не вовремя и зачастую нерегулярно, ибо те номера, в которых содержалось что-либо нестерпимо "острое" для краевых властей, просто конфисковывались и потому не достигали адресата. Велась негласная регистрация всех подписчиков татарской периодики. Делалось это в соответствии с циркуляром Департамента полиции МВД от 31 декабря 1900 г. Циркуляр имел гриф "совершенно секретно" и обязывал губернаторов областей Туркестанского и Степного краев вести строгий учет лиц, выписывавших газеты, издаваемые татарами Казани и Крыма. Таким образом, подписка на татарские газеты стала для многих ничего не подозревающих туркестанцев мерилom их политической благонадежности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Газеты, издаваемые непосредственно туркестанскими татарами, преследовались с особенным остервенением. Так, в 1906 г. татарин Исмаил Абидин стал издавать в Ташкенте газету "Таракки", которая так не понравилась царским властям, что после выхода всего 17 номеров была запрещена. Бесконечным придирам, конфискации и запрещениям подвергались такие выпускаемые туркестанскими джадидами периодические издания, как "Шухрат", "Хуршид", "Туджор", "Осие", "Садои Туркестан", "Эль-Батраш", "Умид", "Ойна", "Туран", и др. И все потому, что они шли в русле прогрессивной татарской прессы.

Не ускользала от внимания туркестанской администрации и мусульманская книжная торговля, в которой татары играли доминирующую роль. Отмечая этот факт, зарубежный исследователь Э.Олвес в книге "Печать в Средней Азии и подъем национализма" пишет, что преследуя татарскую книготорговлю, царские власти опасались ее влияния "среди местного коренного населения Туркестана, которым она помогала сопротивляться натиску христианства и препятствовала его ассимиляции с русским населением края" [8, 11]. Полиция не раз разоряла книжные лавки татар, конфискуя те или иные "вредные" издания, либо вообще закрывала их. Так, например, в 1912 г. по рекомендации Туркестанского охранного отделения была проведена широкомасштабная акция по "проверке" татарской книготорговли в крае, сопровождавшаяся массовыми конфискациями, погромами и запретами. Только в Пишпекском уезде Семиреченской области, к примеру, у 16 татар-книготорговцев было изъято более тысячи экземпляров "вредной"

литературы. С не меньшим размахом "трудилась" полиция и в других местах Туркестана.

Единственное, чего при всем своем желании царизм не мог запретить татарам, так это верить в бога и отправлять свои культовые потребности. Это было бы, конечно, уже слишком. Однако и здесь царская администрация ухитрялась создавать свои сложности. В Степном крае, согласно уже упомянутого нами "Положения" 1891 г., татарам запрещалось занимать должности имамов мечетей в волостях с кочевым населением. В Туркестанском крае действовало правило, сформулированное в циркуляре генерал-губернатора Духовского от 8 августа 1898 г. и гласившее: "Духовными лицами не могут быть не принадлежащие к русскому подданству, а также татары". Таким образом, Духовской ставил российских граждан-татар на один уровень с чужеземцами. По его рекомендации Совет Туркестанского генерал-губернаторства на заседании 8 апреля 1899 г. постановил: "Мутевалиями (распорядителями вакуфов — П.Л.) могут быть утверждаемы лица, вполне благонадежные исключительно из русскоподданных, кроме татар". Совет, таким образом, относил всех татар к категории "неблагонадежных".

Татарским общинам в Средней Азии и Казахстане составляло немало труда добиться разрешения властей на открытие мечети или молитвенного дома. Царская администрация всячески тому препятствовала. Так, например, татары села Михайловское Верненского уезда Семиреченской области в 1902 г. просили Областное Правление разрешить открыть в селе мечеть и утвердить имамом при ней татарина Ахмета Курманова. Дело тянулось почти год, пока, наконец, в апреле 1903 г. председатель Правления и вице-губернатор Осташкин не разрешили устройство только лишь молитвенного дома, сославшись на то, что "Степное положение" 1891 г. разрешало иметь в волости только одну мечеть и одного муллу при ней. Но и молитвенный дом в Михайловском просуществовал недолго, поскольку власти приказали закрыть его, сославшись на сей раз на "строительный устав", согласно которому мусульманские богослужебные учреждения должны были отстоять от прочих построек на расстоянии не менее 20 сажен, а молитвенный дом татар Михайловского немного не удовлетворял этому требованию.

Конфессиональные ущемления татарского населения в Туркестанском и Степном краях проявлялись прежде всего в том, что царскими властями ему предписывалось жить в городах и селах в специальных кварталах (в Туркестане их называли: "ногай-махалля" — П.Л.) и иметь свои отдельные богослужебные учреждения. Таким образом, царизм стремился в максимальной мере "отрезать" татар от религиозных контактов с коренным мусульман-

ским населением, которое, по его мнению, подвергалось ими "пан-исламистской" и "пантюркистской" обработке. На фоне таких обстоятельств ни чем иным, как издевательством звучало мнение самаркандской газеты "Окраина", которая в 1891 г. обвиняла татар в "сепаратизме" следующим образом: "Татары живут в Туркестанском крае обособленно. В Ташкенте имеют *свою* слободу, молятся в *своей* мечети, при которой есть *своя* татарская школа" (курсив газеты — П.Л.).

Закономерно возникает вопрос: возможно, татары чем-либо заслуживали такое немилостивое отношение к себе российского самодержавия? Положительный ответ на этот вопрос практически невозможен, и если кто-либо усомнится в справедливости выводов автора этой статьи или попытается их опровергнуть, то пусть представит тому неопровержимые доказательства. А они вряд ли найдутся. Оценивая гражданское поведение татар, упоминавшийся нами выше Ташкентский городской голова Маллицкий писал генерал-губернатору Куропаткину, что татары не раз доказывали свою полную лояльность и преданность основам государственного строя. Можно, конечно, сомневаться в том, что татары в душе симпатизировали царизму, но факт то, что в жизненных реалиях они всегда действовали в рамках своих гражданских обязательств. В татарских мечетях, согласно принятым тогда порядкам, по "высокопотожественным дням" возносились молитвы за царя и его присных. Татарская делегация во главе с муллой всегда была непременным участником торжественной встречи нового генерал-губернатора и преподносила ему "особый", как тогда говорили, "хлеб-соль". Татары были практически единственными мусульманами в Туркестанском и Степном краях, кто исполнял воинскую обязанность, поскольку коренное мусульманское население было от нее освобождено. В 1904 г. даже "Туркестанские ведомости" вынуждены были похвально отозваться о татарах, собравших деньги в помощь царизму, вступившему в бессмысленную войну с Японией [11]. Первым, кто начал распространять культурное пчеловодство среди коренного населения Туркестанского края, был татарин, причем, делал он это по прямому поручению Кауфмана, который несмотря на свою татарофобию, прекрасно понимал, что уж кто-кто, а татары в важном деле не подведут. Первым мальчиком-мусульманином в туркестанской русской школе был татарин. Во многих городах Туркестанского и Степного края первые мусульманские библиотеки и "читальни" были открыты татарами. Существенной была их роль в благотворительном движении. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно рассказать обо всем этом подробно. Поразительно, что на все это царизм закрывал глаза, ибо он этого просто не хотел видеть. Ему было куда выгоднее превратить татар в своего рода "козлов отпущения" в Туркестане,

сваливая на них все мыслимые и немыслимые обвинения. Военный губернатор Ферганской области В.Покотило писал 5 января 1906 г. Главному начальнику края Н.Тевяшеву, что всю революционную смуту в империи затеяли татары, и потому их в Туркестане надо основательно поприжать. В 1916 г. туркестанский генерал-губернатор Куропаткин считал татар виновными во вспыхнувшем в крае мощном антицаристском восстании местного мусульманского населения и запретил им свободное передвижение по Туркестану. В связи с этим татары г. Андижана 24 июля 1916 г. направили телеграмму Председателю Совета Министров, в которой писали: "Распоряжение вызвано волнениями в крае исключительно сартов по поводу набора инородцев, в каковых беспорядках татары участия не принимали и принимать не могут, так как мы испокон веков с радостью привыкли служить в рядах армии рука об руку с русскими, отдавать жизнь царю и Родине по первому кличу". Они просили отменить несправедливое распоряжение Куропаткина. Однако в середине декабря 1916 г. уполномоченным андижанских татар Мустафе Сафарову, Хафизу Енгулатову и Алимжану Нурмухамедову было объявлено, что Совет Министров на заседании от 27 ноября 1916 г. отклонил их просьбу.

Думается, что всего изложенного вполне достаточно для того, чтобы понять справедливость вынесенного в качестве заголовка этой статьи утверждения автора. Но это лишь частичное освещение проблемы, заслуживающей, на наш взгляд, более глубокого и детального исследования. Автор надеется, что при благоприятном стечении обстоятельств ему удастся сделать и это.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкингсен А., Броксуп М. Исламская проблема в советском государстве. — Лондон — Канберра, 1983.
2. Исламские народы Советского Союза. — Лондон — Бостон — Мельбурн, 1983.
3. Кембриджская история ислама. — Изд-во Кембридж. ун-та, 1970. — Т. 1.
4. Костенко Л. Туркестанский край. — СПб., 1880.
5. Краудер Л. Народы Средней Азии. — Изд. ун-та шт. Индиана, 1963.
6. Мир ислама. — 1913. — Т. 2. — Вып. 5.
7. Олвес Э. и др. Средняя Азия : Столетие российского господства. — Нью-Йорк — Лондон, 1967.
8. Олвес Э. Печать в Средней Азии и подъем национализма. — Нью-Йорк, 1965.
9. Туркестанские ведомости. — 1884. — № 33.
10. Там же. — 1902. — № 17.
11. Там же. — 1904. — № 167.
12. Ходжаев Файзулла. Избранные труды. — Т. 1. — Ташкент, 1970.